

Брамбеус Versus Сенковский.

К истории посмертного собрания сочинений

О. И. Сенковский, полновластный хозяин «Библиотеки для чтения», заслужил славу грозного редактора и желчного публициста, однако принципы, которые он защищал как журналист, часто расходятся с его собственной писательской практикой. Безжалостно издеваясь над романтизмом, «неистойвой словесностью» в статьях «Библиотеки...» и в «Фантастических путешествиях барона Брамбеуса», он пишет, например, под маской того же Брамбеуса романтическую повесть «Висящий гость» [подробнее о заимствованиях из творчества французского романтиков см.: Назарова 2007]. Он же, декларируя объединение русских литераторов в рамках смирдинских изданий, на соседних страницах дает их произведениям характеристики, в которых ирония соседствует с немотивированным бешенством, вызывая естественное возмущение задетых ими писателей. Искать объяснение этой непоследовательности в беспринципности Сенковского, в заигрываниях с публикой, в его перегруженности работой или в малом значении, которое он, возможно, придавал художественному творчеству, — занятие, представляющееся малопродуктивным. Единой логики, единого лица у писателя Сенковского как будто вовсе нет. Наблюдения над текстом посмертного Собрания сочинений также не помогают уточнить место писателя в историко-литературном процессе.

Сочинения Сенковского в наиболее полном донныне объеме были изданы учениками сразу после его смерти в 9 томах, вышедших со вступительной статьей П. С. Савельева и при участии В. В. Григорьева [см.: Сенковский 1858]. В собрание вошли как художественные произведения и переводы, так и научные работы в области историко-филологических дисциплин, а также критические и научно-популярные статьи.

Сверка текста для предпринимаемого сейчас издания сочинений Сенковского в серии «Литературные памятники» показала, что собрание, подготовленное Савельевым и Григорьевым, содержит большое количество правки по сравнению

с прижизненными изданиями. Всего нами выявлено около полутора тысяч расхождений.

Материал, выбранный для настоящей заметки, — «Фантастические путешествия...», до Собрания сочинений изданные дважды еще при жизни автора — в 1833 и 1835 гг. [см.: Сенковский 1833; Сенковский 1835]. Издания 1833 и 1835 гг. мало отличаются друг от друга (эти расхождения подробнее будут описаны ниже). Различия между обеими прижизненными публикациями и текстом в Собрании сочинений группируются в несколько разрядов и предполагают возможность различных интерпретаций.

При первом взгляде на правку кажется, что она призвана исправить неточности и устранить следствия колебания языковой нормы:

Издание 1833 г.	Собрание сочинений
в людях нет ничего такого, что бы стоило и половину этих денег	в людях нет ничего такого, что бы стоило и половины этих денег
цирюльники соскребли ее с <i>лица</i> английскою сталию	цирюльники соскребли ее с <i>лиц</i> английскою сталию
С тех пор блуждал я по разным толпам, к которым судьба меня присоединила.	С тех пор блуждал я по разным толпам, к которым судьба меня присоединяла.
я оборотился лицом к зале и сел на потолку	я оборотился лицом к зале и сел на потолке
пальба из стен замка	пальба <i>со</i> стен замка
Я не люблю шуток <i>о том</i> , что относится к кругу наук точных	Я не люблю шуток <i>над тем</i> , что относится к кругу наук точных
там и <i>там</i> торчали уединенные колонны и дымовые трубы	там и <i>сям</i> торчали уединенные колонны и дымовые трубы
усушиться как треска	<i>высушиться</i> как треска
ножки <...>, <i>обнаруживавшие</i> круглую, изящную, пленительную икру	ножки <...> <i>обнаруживали</i> круглые, изящные, пленительные икры
Ножка поистине была <i>достойная</i> примечания.	Ножка поистине была <i>достойна</i> примечания.
<i>надобно</i> только стараться	<i>надо</i> только стараться
раздавил я английскую дорожную подушку, надутую воздухом, которая <i>пикнула</i> подо мною	раздавил я английскую дорожную подушку, надутую воздухом, которая <i>пискнула</i> подо мною

<i>Я душился в нем с лишком три недели</i>	<i>Меня душили в нем с лишком три недели</i>
<i>умел столько сообщить себе важности</i>	<i>умел сообщить себе столько важности</i>

Часть изменений, на которые стоит обратить особенное внимание, связана с преобразованием устаревших форм и лексики «высокого» или, напротив, «низкого» стиля в «средний» (определенной границы между первой и следующей группой правки нет, так как не всегда ясно, где норма устаревшая, а где просто колеблющаяся):

Издание 1833 г.	Собрание сочинений
<i>предо мною</i>	<i>передо мною</i>
<i>упоиться</i>	<i>упиться</i>
<i>кроватью</i>	<i>кроватью</i>
<i>италиянки</i>	<i>итальянки</i>
<i>из коллежских секретарей прямо по-пасться в коллежские советники</i>	<i>из коллежских секретарей прямо попасть в коллежские советники</i>
<i>любопытно видеть канцелярские гении в пеленах</i>	<i>любопытно видеть канцелярские гении в пеленках</i>
<i>очаровал меня, как гремучий змей осененную его взглядом птичку</i>	<i>очаровал меня, как гремучий змей пораженную его взглядом птичку</i>
<i>Плавание наше по Лене продолжалось с лишком две недели, ибо Иван Антонович <...> принужден был часто останавливаться для осмотра гор</i>	<i>Плавание наше по Лене продолжалось с лишком две недели, потому что Иван Антонович <...> принужден был часто останавливаться для осмотра гор</i>
<i>Они сказали, что это клевета; что этого быть не может, ибо если б судьи наружной поверхности земли брали взятки от сторон, то судьи внутренней ее поверхности должныствовали б давать взятки сторонам из своего кармана</i>	<i>Они сказали, что это клевета; что этого быть не может, потому что если б судьи наружной поверхности земли брали взятки от сторон, то судьи внутренней ее поверхности должныствовали б давать взятки сторонам из своего кармана</i>

Такие замены, как замена «пелен» на «пеленки» и «осененную» на «пораженную» с одной стороны, и «попасться» на «попасть» — с другой, усредняют стиль, а правка «ибо»/«потому что» при этом еще и буквально повторяет формулировки, в которых барон Брамбеус объявлял войну «сим», «оним» и другим

отклонениям от «изящности» языка (помимо разбросанных в художественных произведениях замечаний см. посвященные этой теме статьи «Резолюция на челобитную сего, оного, такового...», «Письмо трех тверских помещиков к барону Брамбеусу» и др.). Сомнительно, чтобы эта проблема была актуальна для 1850-х гг., впрочем, правка могла вноситься по более ранним рукописям или, скажем, по экземпляру «Фантастических путешествий...» с авторскими пометами, если предположить, что такой существовал. Ситуация осложняется тем, что рукописей Сенковского практически не сохранилось, а по имеющимся обрывкам двух фельетонов 1856—1857 гг. [см.: РО ИРЛИ. Ф. 93. Оп. 4. № 83—85] судить о возможных изменениях, которые могли быть внесены в тексты 1830-х гг., нельзя. Что если это вообще не авторская, а редакторская правка? Об этом свидетельствует, кажется, характер некоторых разночтений, устранивающих яркие лексические или стилистические элементы:

Издание 1833 г.	Собрание сочинений
Лучше умереть с голоду, чем портить себе желудок худою <i>школьничьиною</i>	Лучше умереть с голоду, чем портить себе желудок худою <i>школярщиною</i>
в три прыжка перемахнул бы с <i>Блоховой</i> степи в Константинополь.	в три прыжка перемахнул бы с <i>Блошиной</i> степи в Константинополь.
зола вдруг <i>ссунулась</i> подо мною	зола вдруг <i>осыпалась</i> подо мною
<i>табель</i> умножения	<i>таблица</i> умножения
где только зашевелится тень средства к <i>случаю</i>	где только зашевелится тень средства к <i>выигрышу</i>
потоп казался бы ей <i>очень милым</i> , — <i>очень милым</i>	потоп казался бы ей <i>очень-очень милым</i>

Так, в последнем примере за счет опущенного повтора прилагательного разрушается созданный Сенковским повествовательный нюанс: передача речи дамы «предпотопного» высшего света сменяется словом повествователя. Есть и пропуски, отчасти обесмысливающие текст:

Издание 1833 г.	Собрание сочинений
Но я начинаю постигать существо света ногами-вверх: <i>здесь, видно, все противоположно нашему</i> . Потому-то и здешние философы умные люди.	Но я начинаю постигать существо света ногами-вверх. Потому-то и здешние философы умные люди.
— Но у меня, в моей земле, есть книга, в которой они напечатаны! — Нужды нет!.. <i>Ведь вы знаете, что в законе иногда бывает написано одно, а между тем делается другое</i> . — Нет!., этого я не знаю; и в наших странах это вовсе не в употреблении.	— Но у меня, в моей земле, есть книга, в которой они напечатаны! — Нужды нет!.. — Нет!., этого я не знаю; и в наших странах это вовсе не в употреблении.

В некоторых случаях такие пропуски влияют на композиционные приемы Сенковского:

Издание 1833 г.	Собрание сочинений
я поклялся не предпринимать более ученых путешествий <i>и проч.</i>	я поклялся не предпринимать более ученых путешествий.
... ..с тех пор, как прибыл в Италию	С тех пор, как прибыл в Италию

Одна из приведенных фраз завершает собой второе из «фантастических путешествий» — ученое путешествие на Медвежий остров, а другая открывает следующее за ним, сентиментальное, на гору Этну. Имитация свободного, как бы разорванного стиля травелогов в редакции Собрания сочинений пропадает, чем Сенковский вряд ли пожертвовал бы, даже при стремлении выровнять стиль. Нужно отметить также непоследовательность правки: одни и те же особенности в ряде случаев исправлены, а в других — нет.

Представляется весьма вероятным, что не сам Сенковский готовил к изданию свои сочинения, но его ученики Савельев и Григорьев, получив после его смерти рукописи (или про-

сто собрав прижизненные публикации), подготовили к печати произведения учителя. Как специалисты-филологи они исправили текст (совершив при этом и досадные пропуски), внесли в него изменения, согласующиеся и с современными им нормами, и с защищавшимися самим Сенковским в журнальных полемиках принципами «изящности» слога. Было ли это следованием авторской воле, судить очень трудно.

Сенковский явно не заботился о судьбе своих произведений спустя годы и в корреспонденции высказывал полное пренебрежение своими ранними беллетристическими сочинениями. В издании «Фантастических путешествий...» 1835 г. также есть некоторые разночтения, большая часть которых кажется больше недочетами, чем правкой:

Издание 1833 г.	Собрание сочинений
я думал, что свет фонаря меня обманывает, и три раза снял со свечки. <i>Все то же!.. Быть не может!!</i> ...	я думал, что свет фонаря меня обманывает, и три раза снял со свечки. <i>Все то... Быть не может!!</i> ...
Их навалила туда комета при своем <i>разрушении</i>	Их навалила туда комета при своем <i>рассуждении</i>

В прижизненном издании есть явные ошибки, автором не исправленные, но в 1835 г. он мог и не следить за переизданием снижавшей популярность книги, будучи занят текущей работой по «Библиотеке для чтения». Стал бы Сенковский исправлять их, имея для этого время и возможность издать вновь свои сочинения? Неизвестно. Во всяком случае, многие ошибки перешли в Собрание сочинений, так что тщательной его подготовку называть нельзя.

Имело ли вообще для Сенковского значение то, как представлены его тексты? И конкретнее — следил ли он за тем, сколько в них «ибо», «сих», «оних» и других устаревших форм, с которыми он вроде бы боролся? Позиция автора, реконструируемая на основании его высказываний, предстает как непоследовательная, двойственная, хотя

все же высказывания Сенковского о лексическом пуризме и не доходят до полного противоречия друг другу. Ср., например:

Как надеяться, чтоб у нас образовался изящный разговорный язык, когда никто не может повторить в обществе вашей фразы, вашего оборота, умнейшей мысли из вашей книги, именно потому, что вы нашипиговали ее *сими, оными, ибо, коими* и *упомянутыми* — от которых все расхохочутся — по которым все тотчас узнают, что мысль или фраза взята из книги? [Сенковский 1835а: 30—31].

Удаление сего, оного, кой, ибо и прочих есть только одна из наружных форм вопроса. Дело состоит в другом. <...> те, которые подняли оружие насмешки на сих и оных, и вытесняют их из словесности <...> затеяли ни более, ни менее, как преобразовать русскую фразу, и приготовить новую эпоху литературного языка. Они стремятся заставить словесность и разговорный язык дружески взяться об руку, и вместе идти к изящности [Сенковский 1835а: 31—32].

Подобных параллельных высказываний у писателя можно найти множество, и очевидно, что для него не было принципиальным заменить все «ибо» на «потому что». В их основе лежат представления об «изящности», несколько архаичные уже к 1830-м гг., обнаруживающие глубинную связь с сентиментализмом: «Постойте, “юные словесники”! Здесь место определить цель и назначение словесности, которых вы не понимаете, и важность звания литератора, которым вы хвастаете, таская его в грязи...» [Сенковский 1834: 49]. Характерное «эпоха» применительно к словесности здесь дополняется представлением о соответствии между «званием литератора» и конкретной литературной работой, которой он себя посвящает. К историко-литературным построениям эпохи сентиментализма (Карамзина, Жуковского) восходят, возможно, и представления Сенковского о развитии русского языка, эклектичность которых странно видеть у филолога:

Со времени Державина стал уже язык русской словесности более или менее робкими шагами приближаться к живому русскому языку и стряхивать с себя ложные украшения славянизма. Батюшков, Карамзин, Жуковский подвинули необходимое преобразование еще далее. Явился Пушкин, и могуществом

своего гения вдруг перенес в поэзию подлинный русский язык со всею его жизнию [Сенковский 1837: 93].

«Историзм» Сенковского, как мы видим, линейный: в единый ряд встраиваются «архаист» Державин и «новатор» Жуковский лишь потому, что они оба совершали языковые преобразования, а Пушкину при этом уготована роль гения, который «вдруг» создает литературный язык. Впрочем, отыскивать противоречия в теоретических высказываниях Сенковского можно долго и успешно. Зато непротиворечива, потому что плоска, одномерна, маска Барона Брамбеуса, гонителя «сих» и «оных», достойно завершившая свой путь, и, обхитрив своего создателя, не только занявшая его место на титульном листе Собрания сочинений, но и проявившая своеобразную «последнюю авторскую волю», в соответствие с которой (редакторами?) был непоследовательно, но с отчетливой тенденцией усреднен стиль вошедших в него текстов.

Можно быть уверенным в том, что непредсказуемость, не-вписываемость в концепцию была предусмотрена литературной игрой Сенковского, склонность к которой составляла одну из «системообразующих и неотъемлемых характеристик литературной позиции редактора “Библиотеки для чтения”» [Назарова 2010: 24]. Н. В. Назаровой показано на конкретных примерах, как именно он реализовывал модель «фельетонной» критики, высказывая сменяющиеся друг друга без каких бы то ни было видимых оснований противоречивые и провокационные оценки. Смеявшийся в равной степени над «юными словесниками» и «славянщицной», Сенковский ускользает от определения его положительной программы. Как мы постарались показать, это фигура неуловимая для текстолога так же, как и для историка литературы. Последовательность при издании сочинений непоследовательного автора, внешне равнодушного и к своей славе, и к формам, в которых выражены его образы — возможно, не лучший выход. Редакторы-ученики Савельев и Григорьев не вполне справились со своей задачей, да вряд ли и могли справиться, ведь позицию автора в данном случае может выявить только разработанный значительно

позже метод подробного научного комментария, включающего и биографическую (наиболее интересный и актуальный до сих пор образец этого подхода представлен в монографии В. А. Каверина о Сенковском [см.: Каверин 1966]), и историко-литературную, и текстологическую составляющую.

СОКРАЩЕНИЯ

Каверин 1966 — *Каверин В. А.* Барон Брамбеус: История Осипа Сенковского, журналиста, редактора «Библиотеки для чтения». М., 1966.

Назарова 2007 — *Назарова Н. В.* Французская литература 1830-х гг. в «Библиотеке для чтения»: особенности редакторской политики О. И. Сенковского // *Озерная текстология: Труды IV Летней школы на Карельском перешейке по текстологии и источниковедению русской литературы. Поселок Поляны (Уусикирко) Ленинградской области, 2007.* С. 140—150.

Назарова 2010 — *Назарова Н. В.* Литературная позиция О. И. Сенковского в 1830-х гг. (на материале повестей, подписанных псевдонимом А. Белкин). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010.

РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН.

Сенковский 1833 — [*Сенковский О. И.*] Фантастические путешествия Барона Брамбеуса. СПб., 1833.

Сенковский 1834 — *Барон Брамбеус [Сенковский О. И.]* Брамбеус и юная Словесность // Библиотека для чтения. 1834. Т. 3. Русская словесность. С. 33—60.

Сенковский 1835 — [*Сенковский О. И.*] Фантастические путешествия Барона Брамбеуса. 2-е изд. СПб., 1835.

Сенковский 1835а — *Б. Брамбеус [Сенковский О. И.]* Резолюция на челобитную сего, оного, такового, коего, вышеупомянутого, нижеследующего, ибо, а потому, поелику, якобы и других причастных к оной челобитной, по делу об изгнании оных, без

суда и следствия, из русского языка // Библиотека для чтения. 1835. Т. 8. Литературная летопись. С. 26—34.

Сенковский 1837 — [Б. н.] Первое письмо трех тверских помещиков к барону Брамбеусу // Библиотека для чтения. 1837. Т. 22. Русская словесность. С. 65—96.

Сенковский 1858 — Собрание сочинений Сенковского (Барона Брамбеуса): В 9 т. СПб., 1858—1859.